

ТИПОЛОГИЯ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

А.И.Кузнецова

kuzn@kuznec.mccme.ru

leon@philol.msu.ru

Типологический подход к изучению языка в пределах одной генетической семьи позволяет найти возможные типологические корреляты внутри именно генетически родственных групп языков и одновременно установить типологическую специфику каждой из групп языков — славянских, германских или (шире) индоевропейских языков, тюркских и проч. Подобного рода попытки предпринимали в свое время Н.С.Трубецкой, Р.О.Якобсон, П.Хартман и др. на материале индоевропейских языков. Типологией финно-угорских и самодийских языков лингвисты специально никогда не занимались. Неоднократно изучая в типологическом плане грамматическую категорию числа и устанавливая некоторые универсалии на материале многих языков мира, типологи редко привлекали к сопоставительному анализу материалы уральских языков. Данный доклад частично заполняет эту лауну на примере имен существительных. Рассмотрение категорий числа проводится с содержательной точки зрения при учете способов выражения грамматической категории числа и безотносительно к изучению структурных моделей слов и аранжировки морфем.

1. Типология единственного числа

Категория числа в большинстве уральских языков основывается на оппозиции единственное—множественное число (далее везде Sg, Pl), но в нескольких языках данной семьи существует противопоставление Sg — Du (двойственное число) — Pl. Sg в уральских языках не имеет специальных показателей. Существительное — это чистая основа, обычно немаркированная.

1.1. Общее значение у существительных в Sg. Обычно форма Sg обозначает один предмет, но часто считаемые существительные имеют общее значение (иначе его называют

семантическое множественное). Существует несколько трактовок грамматической семантики числа. Одни лингвисты видят в оппозиции форм числа указание на расчлененность Pl и нерасчлененность Sg, другие — на целостность Pl и нецелостность Sg. Появление общего значения происходит в тех случаях, когда слово, стоящее в Sg, в контексте начинает обозначать не один, а некоторое количество предметов. Это можно подтвердить следующими примерами:

Мар.: *кол* (Sg) *кучаш кайышна* “рыбу ловить пошли”; *понго* (Sg) *погаш кайышна* “грибы собирать пошли”; **удм.** *нюлэскын писпу* (Sg) *туж уно* “в лесу деревьев очень много”; **к.-зыр.** *ягöд* (Sg) *вайны* “ягод принести”; *тшак* (Sg) *сёйны* “грибы есть (=кушать)”; **к.-перм.** *тшак* (Sg) *солавны* “грибы солить”; **фин.** *käydä marjassa* (Sg) “ходить по ягоду (букв. — в ягоде)”; **венг.** *fogat* (Sg) *mosni* “зубы мыть (=чистить)”; **гомдат** (Sg) *szedni* “грибы собирать”; **сельк.** *koŋaltympätyt* (Pl) *tätäl' qumyt captä* (Sg) — *tätäk ašša pisyñña* “рассказывают богатые люди сказки (букв. сказку, каждый свою) — девушка не смеется.”

1.2. Singularia tantum. Помимо слов с общим значением, форма Sg бывает у существительных, обозначающих предмет в отвлечении от идеи счета и количества. Это — Singularia tantum, встречающиеся во всех уральских языках.

К ним относятся существительные со значением веществ, существительные с абстрактным значением и с отвлеченным значением действия, которое выражается субстантивной репрезентацией глаголов типа “ходьба, езда, рассмотрение”; эти группы слов в финно-угорских языках лишь частично совпадают с таковыми в русском и других индоевропейских языках, например, **к.-зыр.** *ва* “вода”, *вый* “масло”, *лым* “снег”, *лыа* “песок”, *кört* “железо” (вещества); *мичлун* “красота”, *гöльмун* “бедность”, *ытшкöм* “косьба” (отвлеченные существительные); **эрз.** *ведь* “вода”, *кшни* “железо”, *арасьчи* “бедность”; **манс.** *вит* “вода”, *ракв* “дождь”, *нол* “наледь”, *хол* “заморозки”, *кер* “железо”; **сельк.** *iit* “вода”, *käsy* “железо”; **нен.** *и* “вода”, *еся* “железо” и т.д.

1.3. Собирательные существительные. Кроме слов singularia tantum с вещественным и отвлеченным значением, к словам, имеющим особые формы Sg, относятся собирательные существительные, представляющие собой словосложение типа dvandva, которыми богаты финно-угорские языки, но которых практически нет в самодийских языках (например, в селькупском). В селькупском языке в этом случае имеется специальная форма типа AdjPron — **сельк.** *ijal' tu* “дети” (букв. нечто детское, к детям относящееся). В свое время М.А. Кастрен, а вслед за ним Г.Н.Прокофьев [Прокофьев 1935,

с.33-34, 40] считали, что *-l'mu* (адъективная форма на *l'* + неопределенное местоимение *mu* "нечто, штука") служит показателем Pl для названий неодушевленных предметов, чему противоречит приведенный пример. Множество других примеров, относящихся как к одушевленным, так и к неодушевленным существительным, показывает, что во всех случаях подобные сочетания имеют значение не Pl, а собирательности: *māyl'mu* "стойбище" (то есть совокупность домов), *sūryl'mu* "зверье", *markyl'mu* "совокупность островов, архипелаг". Большинство же слов данной группы, как уже отмечалось, относится по образованию к комплексам *dvandva*: **к.-зыр.** *ты-мус* "внутренности" (легкое+печень), *гöра-кöдза* "сев" (пахота+посев), *дöрöм-гач* "белье" (рубашка+штаны), *вöв-мöс* "скот (лошадь+корова); *кельсь-шапка* "шапка, рукавицы, шарф, кушак"; **удм.** *тусьты-пуньы* "посуда" (чашка+ложка), *ныл-ни(ос)* "дети" (девочка+мальчик(и)); *зор-кот* "осадки, например, дождь, снег" (дождь+влага); **мар.** *кид-йал* "конечности" (рука+нога); **эрз.** *чи-ве* "сутки" (день+ночь). В эрзянском языке образования типа *dvandva* могут иметь в своем составе существительные не только в Sg, но и в Pl (см.3.2). В **хантыйском** языке (ваховский диалект) также встречаются аналогичные образования: *jəjəñ-қотлүән* "сутки" (ночь+день).

В группе слов со значением Sg следует обратить также внимание на существительные типа **сельк.** *müty*, которое означает 1) "войско", 2) "дружина" (то есть воины; собирательное сущ.), 3) "война". В значении собирательности существительное согласуется с глаголом по смыслу: *müty* (Sg) *cüntäyt* (Pl) "дружина стреляет" (букв.: дружина стреляют).¹

1.4. Наименование парных предметов и частей тела. В уральских языках необходимо выделить еще одну группу слов, а именно, наименование парных предметов или частей тела. В таких словах форма Sg используется для обозначения и целой пары, и одной из двух ее частей; в словарях подобные существительные переводятся на русский язык одновременно в Sg и Pl. Так, например, венгерское слово *szem* означает и один глаз, и оба: *jobb szem* "правый глаз", *barna szem* "коричневые (карие) глаза". Употребление слова, означающего парный предмет, с числительным два, как **венг.** *két szemöldök*, означает не две пары парных предметов, а просто "две брови". В этом случае синкретизм "парности" утрачивается. Если говорящий хочет выделить из пары предметов один предмет (сингулятив) или одну из частей тела, то это достигается прибавлением к

¹В **марийском** языке обращают на себя внимание случаи семантического выбора глагола в зависимости от имени, обозначающего живое существо (причем релевантным признаком является не понятие 'лицо' или 'нелицо' — 'человек' или 'животное', а признак количества ног у живого существа). Так, в **мар.** *сш* (*чыве*) *куржеш* "человек (курица) бежит", а *имне* (*коля*) *кудалеш* "лошадь (мышь) бежит".

“парному” существительному (либо в препозиции, либо в постпозиции к нему) слова “половина”. Добавление к “парному” слову, стоящему в Sg существительного со значением “половина” часто ведет к изменению значения данного слова. Например: удм. *ки* “рука” — *пал ки* “одна рука=однорукий”; *син* “глаз, глаза” — *пал син* “один глаз”; *куас* “лыжа, лыжи” — *пал куас* “одна лыжа” (*пал куасэн уг нискылало* “на одной лыже не катаются”, поговорка). В близкородственном удмуртскому коми-зырянском языке слово *пöв* “половина (пары)” также применимо к наименованиям парных предметов и частей тела: к.-зыр. *пель* (Sg) “ухо, уши” — *пель пöв* “одно ухо”, *кок* “нога, ноги” — *кок пöв* “одна нога”, *син* “глаз, глаза” — *син пöв* “один глаз”, *кепысь* “рукавица, рукавицы” — *кепысь пöв* “одна рукавица” и др. Интересно, что при заимствовании из русского языка правила передачи единичности парного предмета соблюдаются те же: *сапöг* “сапог, сапоги” — *сапöг пöв* “один сапог”, *ведра* “ведро, вёдра” — *ведра пöв* “одно ведро”. Ср. мар. *кид* “рука” — *пел кид* “одна рука”; *йол* “нога” — *пел йол* “одна нога”; *ече* “лыжа” — *пел ече* “одна лыжа”; *шинча* “глаза, глаз” — *пел шинча* “один глаз”; *чулка* “чулки, чулок” — *пел чулка* “один чулок”; венг. ^{ср. р. о. а} *füzet* “туфли” — ^{ср. р. о. а} *fél-füzet* “туфля”; *lába* (Sg) “ноги” (*hosszu a lába* “у него длинные ноги”) — *fél-lába* “одна нога” (*féllábon ugrálni* “скакать на одной ноге”). К сожалению, в лексикографической практике не отработаны принципы подачи данных случаев, поэтому не исключено, что в современных языках (особенно имеющих тенденцию к разрушению) происходит расшатывание старой системы грамматического оформления категории числа под влиянием русского языка и постепенно парное существительное начинает употребляться в значении единичности и без добавления слова, означающего “половина”.

В языках, где есть Du, наименования парных предметов и частей тела приобретают в контексте показатель Du, но в лексикографической практике исходная форма дается в Sg, даже если подразумевается значение парности. Для подчеркивания единичности, как и в языках, с оппозицией Sg—Pl, прибавляется к существительному, имеющему слитное значение Sg—Pl, прибавляется слово со значением “половина”: манс. *лāгыл* “нога, ноги” — *лāгыл пāл* “одна нога и одноногий” (нога+половина); *вāй* “кисы (меховая обувь)” — *вāй пāл* “один предмет из обуви” (обувь+половина); *сам* “глаз” — *сам пāл* “кривой, одноглазый” (ср.: *самыг* — Du, *самыт* — Pl); хант. *кёр* “нога” — *кёр пэлэк* (вах.) “одна нога” и “одноногий” и “хромой”; *көт* “руки” — *көт пэлэк* “однорукий”; сэм “глаз” — *сэм пэлэк* “одноглазый”; сельк. *топу* “нога”, но *пелäl' топу* “одна нога” (*Пелäl' топул'асä нулкылä лаксалтымпа* “на одной ножке стоя, приплясывал”).

1.5. Передача слов со значением Pluralia tantum. Наконец, следует отметить, что в уральских языках почти нет Pluralia tantum (о редких отклонениях от этого правила см. 3.1.),

поэтому в случае заимствования таких из русского языка слово воспринимается языком в Sg, а если подвергается счету, то Pl оформляется по законам принимающего языка. Примеры: **к.-зыр.** *öçki* (Sg) — *öçki-яc* (Pl), *щöti* (Sg) — *щöti-яc* (Pl), *щипцы* (Sg) — *щипцы-яc* (Pl); *часi* (Sg) — *часi-яc* (Pl); с другой стороны, если есть исконное слово, то, естественно, из русского *pluralia tantum* не заимствуется — *пуртöc* “ножны”; **удм.** *кис* “щипцы, клещи, тиски”, *шыран* “ножницы (для стрижки овец”, *пуртэс* “1) стручок, 2) ножны”; **нен.** *хар се'* “ножны” (букв. нож+чехол), *сяторäбць'* (н) и *ня'морць'* (н) “щипцы”; **хант.** *сатэв* “ножны”, *кöккэңжүү* “счеты”, *пäүэлтэжөт* “клещи” и т.п.

2. Типология двойственного числа

Du встречается не во всех уральских языках, а только в четырех самодийских (за исключением южных диалектов селькупского, где он совсем исчез), в сургутском диалекте хантыйского, в мансийском языке и в западных диалектах саамского (только в местоимениях и глаголах). Du в мансийском языке передается с помощью суффикса -г (на письме) или -ү в транскрипции в полевых записях исследователей, например: *эква-г* “женщины (2)”, *öйка-г* “мужчины (2)”, *сун* “нарта, сани” — *сун-ыг* “нарты (2)”, *äнас* “обоз” — *äнас-ыг* “обозы (2)”, *сярысь* “море” — *сярс-иг* “моря” (2), *äны* “чашка” — *äны-иг* “чашки” (2), *паль* “ухо” — *пал-иг* “уши (2)” и т.д.

В контексте с однородными членами предложения применительно к названиям двух близких родственников или просто двух человек и двух предметов в мансийском языке употребляется Du, причем показатель -ү оформляет (подобно прерванной морфеме) связанные между собой существительные и глагол: *эква-г* (Du) *öйка-г* (Du) *äлсы-г* (Du) “жена и муж жили”; *Петя-г* (Du) *Таня-г* (Du) “Петя и Таня”; *Кати öйкаг* (Du) *сиськурек öйкаг* (Du) *äлсыг* (Du) “Кот и петух жили” [букв.: (кошка-самец)-двое (петух-самец)-двое жили-двое]. Иными словами, каждый член предложения, если речь идет о двух людях или предметах, оформляется показателем Du. В селькупском языке также существует самостоятельный показатель Du -qi (или -äqi): *ira* “старик” — *iraqi* “старики” (2), *масу* “лес” — *масöqi* “леса” (2), *тöтур* “богатырь” — *тöтурqi* “богатыри” (2); *туqäqi* “некие две вещи”, *qитуqi* (возможны также *qитöqi*, реже *qирqi*) “два человека”.

Для наименований близких родственников или свойственников имеется самостоятельный суффикс -sy- + показатель Du: *ита-sy-qäqi* “супруги” (*ита* “жена,

женщина”), *ñeñña-sy-qāqī* (*ñeñña* “сестра”) “две родные сестры”, *imasyqāqī* “семья” (*īja* “ребенок”). Подобные формы можно считать эллиптическим двойственным в отличие от форм *ījasyt* “дети (в одной семье)” (PI) и *ījal'mu* (см. 1.3.) “детвора, дети любые”.

3. Типология множественного числа

Как во всех агглютинативных языках, PI в уральских языках обозначается специальными показателями, не имеющими (за редкими исключениями, легко объясняемыми фонетическими процессами) вариантов, в отличие от таких языков, как русский (ср.: *цех-и*, *цех-а*, *лист-ы*, *лист-ья*, *сыны*, *сын-ов-ья* и т.д.) или лакский, в котором А.Ш.Акиев насчитывает (с учетом вариантов по говорам) около 70 способов образования множественного числа². Происхождение показателей PI в уральских языках часто восходит к словам со значением “люди, народ”, например, **jez / jes* в прапермском. В к.-зыр. показатель PI -*яс* именно такого происхождения: *вөв* “лошадь” — *вөвьяс* “лошади”, *град* “грядка” — *градьяс* “грядки”. Заимствования из русского оформляются точно так же: *делегат-ьяс* и т.п.

3.1. Pluralia tantum. В плане семантическом PI может означать расчлененное и нерасчлененное множество. Уже отмечалось (см. 1.5), что обычно в уральских языках отсутствуют Pluralia tantum, заменяемые при заимствовании на Sg и принимающие при счете показатель PI. Однако под влиянием русского в некоторых финно-угорских языках зафиксировано по несколько слов pluralia tantum как в заимствованной, так и в исконной лексике: удм. *быръёнъёс* “выборы”, *чöшатсконъёс* “соревнования” (оба слова — кальки с русского); эрз. *сельмукиш-т* “очки”, *васоньбеельть* “ножницы”; эст. *püksid* “штаны”, *kääcid* “ножницы”, *joülud* “рождество”, *roüged* “оспа”, *leetrid* “корь” (всего пять слов).

3.2. Слова типа dvandva со значением собирательности. В некоторых финно-угорских языках в словах типа dvandva, имеющих значение собирательности, у обоих компонен-

² В одних именах в лакском языке окончания PI выступают как принадлежность старой основы, в других — как реликт эргатива; во многих словах существуют параллельные формы (типа *ххаржан-тру*, *ххаржан-т*, *ххаржан-ну*, *ххаржан-ду*, *ххаржан-дру* “кинжал-ы” или *мурлу-лу*, *мурлу-лив* “скала” и др.). Отдельные показатели PI имеют семантическую привязанность [Акиев 1961].

тов может быть показатель P1 (в отличие от примеров, приведенных в разделе о собирательных существительных в 1.3), как в следующих словах: эрз. *седей-ть—максо-т* “внутренности” (сердце /P1/ + печень /P1/. В к.-зыр. компоненты аналогичного комплекса со значением “внутренности” и с иной, хотя и близкой внутренней мотивировкой, имеют Sg), *овт-т—верьгиз-т* “звери” (медведи+волки), *сукс-т — унжа-т* “гады” (черви+жуки), *атя-т — баба-т* “супруги” (старики+старухи), *кши-ть — сал-т* “еда” (хлебы+соли), *кар-ть — пракста-т* “обувь” (лапти+портянки).

3.3. Эллиптическое множественное. Встречается в уральских языках и эллиптическое множественное (типа лат. *patres*), как, например, в мар.: *Кирил-мыт* “Кирилл и другие с ним”, *кокай-мыт* “тетя и остальные”, *ава-м-лак* “мать-моя и другие”, *ачаж-лак* “отец и другие”, *Пётэр-полж* “Петр и те, кто из его группы” (яранский говор горномарийского языка), *удыр-полк* “группа девушек”, *Исак-полк-влӓк* “жители Исаково” (всей деревни). В последних трех примерах вторая часть слов — заимствованное из русского языка слова ‘полк’, придающее основному слову значение собирательности. Ср. морд. примеры, в которых функцию собирательности выполняют формы местоимения *мезе* “что”, состоящего исторически из основного местоимения *ме* и указательного *се*: *Молян Коля-мезьнен* “Пойду к Коле и тем, кто с ним”, *Колят да мезе сейсьть* “Коля и другие (с ним бывшие) ушли”, *Васяменен ускиз...* “К Васе и другим привезли...”. В большинстве уральских языков эллиптическое множественное передается с помощью показателя P1: к.-зыр. *ай-яс* “дедушка и бабушка” (букв. деды; ай — устар. форма “отец”), *бать-яс* “родители” (букв. отцы); нен. *нисянан* “мои отцы” или *небянан* “мои матери” (то есть “родители” наряду с *соябтавы* “родители”).

Интересны случаи оформления в эрзянском языке сочетаний типа “Маша и Миша”, которые в мансийском передавались в двойственном числе, а в эрз. — во множественном: *Маша-т Миша-т*.

4. Предварительные итоги

Рассмотрение способов выражения и семантики грамматической категории числа в уральских языках позволяет утверждать, что во всех языках этой семьи выражение числа образует плеоназм, число существует как морфологическая согласовательная категория, то есть число подлежащего и сказуемого совпадают. Исключения редки, они

асаются так называемого согласования по смыслу собирательных существительных, оформленных показателями Sg, и глаголов, стоящих в Pl.

В разных языках оформление двух однородных членов, стоящих в Sg, происходит неодинаково: чаще передается реальное количество считаемых предметов или живых существ (один, два, много), но иногда каждый из двух однородных членов (при том, что он соответствует одному предмету или одному живому существу) стоит в Pl (мордовские языки), а иногда — в Du (мансийский язык).

Типичными для финно-угорских языков являются слова в Sg со значением парности; для передачи единичности в таких случаях к слову со значением парности прибавляется существительное, означающее “половина (пары)”, при этом иногда значение сочетания может измениться.

Для финно-угорских языков характерны сложные комплексы со значением собирательности, образованные по принципу dvandva; в одних языках оба их компонента стоят в Sg, в других — в Pl.

В уральских языках, как и во многих других языковых семьях, есть *singularia tantum*, но к ним относятся не совпадающие по смыслу слова.

Наконец, в языках уральской семьи можно выделить случаи эллиптического множественного, выражение которых отличается большим разнообразием.

Литература

Акиев А. Ш. Способы образования форм множественного числа в лакском языке. — Тбилиси, 1961.

Прокофьев Г. Н. Селькупский язык. — Л., 1935.

Сокращения языков

венг. — венгерский; к-зыр. — коми-зырянский; к-перм. — коми-пермяцкий; манс. — мансийский; мар. — марийский; морд. — мордовские языки (мокшанский, эрзянский); нен. — ненецкий; сельк. — селькупский; удм. — удмуртский; фин. — финский; хант. — хантыйский; эрз. — эрзянский; эст. — эстонский.